

СССР ВО ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939–1945 гг.):
ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

**Сборник трудов Международной научно-образовательной
конференции**

15–16 октября 2020 года

Санкт-Петербург

2020

УДК 009 (378)
ББК 60я5
С76

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор
Астраханского государственного университета *С. В. Виноградов*

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий лабораторией качества ЮНЦ РАН *А. В. Венков*

СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти:
сборник трудов международной научно-образовательной конференции, 15–16 октября 2020 г.
– СПб.: Свое издательство, 2020. – 608 с.

Настоящий сборник содержит статьи, написанные по итогам Третьей международной научно-образовательной конференции «СССР во Второй мировой войне (1939 –1945 гг.): проблемы исторической памяти», прошедшей 15–16 октября 2020 г. в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого.

Конференция посвящена 75-летию Победы СССР и других стран антигитлеровской коалиции над нацистской Германией и ее союзниками, нацелена на сохранение и популяризацию исторической памяти об истории Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Материалы, публикуемые в сборнике, будут полезны специалистам, ученым, студентам, а также широкому кругу читателей.

Все материалы публикуются в авторской редакции.

Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-20022.

Редакционная коллегия:

Н. И. Алмазова – доктор педагогических наук, профессор;
Е. Е. Красноженова – доктор исторических наук, профессор;
Р.-Е. А. Кудрявцева – ассистент;
С. В. Кулик – доктор исторических наук, профессор;
В. К. Хазов – кандидат философских наук, доцент.

Ответственные редакторы:

Е. Е. Красноженова – доктор исторических наук, профессор,
С. В. Кулик – доктор исторических наук, профессор.

Kornilov G.E.

**MOGRAPHIC LOSSES OF THE POPULATION OF THE UKRAINIAN SSR IN
THE SECOND WORLD WAR: MAINSTREAM OF THE MODERN
UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY**

KORNILOV Gennady E. – Head of the Center, Institut of History and Archeology, Ural Branch of RAS, 620219, Russia, Yekaterinburg, ul. S. Kovalevskaya, 16.
e-mail: genakorn@mail.ru

Abstract. Until recently, historians of Ukraine argued about the loss of population in World War II. Some historians add to them the losses that occurred as a result of the annexation of territories to the Ukrainian SSR in 1939 - 1940. Others add even those who died of starvation in the postwar years. At the same time, the authors of publications, with rare exceptions, present an estimated construction of reality. In the scientific community, there are mainly versions of authors' expert opinions based on fragmented, mostly critically unreasonable, sources. A heated discussion, the excessive politicization of the topic of demographic losses in Ukraine and a significant variation in their estimates indicate that this problem has not been resolved. The main reasons for this historiographic situation are incorrectly chosen methodological approaches in assessing population losses in 1939-1945. (expansion of historical geographical borders (at the expense of the Crimean and Transcarpathian regions that were not part of the republic and were added after the war) and the chronological framework) and problems with the source of research. For the most part, Ukrainian historians and demographers ignore historical documents that are stored in the Russian federal archives. Archival intelligence indicates that the calculations of the demography department of the Central Statistical Bureau of the USSR and the Statistical Office of the Ukrainian SSR, drawn up at the end of 1944-1946, are of particular scientific interest. An analysis of the identified historical sources will make it possible to reliably reconstruct the dynamics and composition of the population of the Ukrainian SSR and contribute to solving the problem of demographic losses of the population of the Ukrainian SSR in 1941-1945. in the context of the demographic development of the USSR.

Keywords: demographic losses, human losses, the population of the Ukrainian SSR, the Great Patriotic War, demographic statistics, population dynamics, historiography, historical sources of population.

УДК 94(476) «1941/1945» (043.3)

Корсак А.И.

**МЕСТА СОЖЖЕННЫХ ДЕРЕВЕНЬ (1941 - 1944 гг.) В БЕЛОРУССКОЙ
И РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКАХ***

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941-1944 гг.»

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

КОРСАК Алеся Иосифовна — заведующая кафедрой истории и туризма, Полоцкий государственный университет, 220440, Беларусь, г. Новополоцк, Блохина ул., 29.
e-mail: ale-korsak@yandex.ru

Аннотация. В данной статье обозначены основные проблемы, требующие своего исследования. На основе опубликованных архивных источников Национального архива Республики Беларусь рассмотрена проблема сожженных деревень Беларуси и России в годы нацистской оккупации 1941 – 1944 гг. и связанная с ними политика мемориализации – сохранения памяти о местах сожженных деревень и увековеченных именах уничтоженных в них мирных жителей – в белорусской и российской практиках. Показаны существенные отличия нормативно-правовой базы двух государств на современном этапе в сфере мемориальной политики в целом и в отношении к местам сожженных населенных пунктов в годы Великой Отечественной войны. Впервые приведены предварительные результаты анализа архивного материала Национального архива Республики Беларусь по десяти областям РСФСР и территории БССР, которые показывают соотношение количества угнанного населения на принудительные работы на территорию третьего рейха и уничтоженного мирного населения в ходе карательных операций нацистских коллаборационистских формирований, а также при отступлении вермахта в 1943 г. с территории РСФСР.

Ключевые слова: место сожженной деревни, место массового уничтожения, Великая Отечественная война, мемориализация, идентификация, БССР, РСФСР, Республика Беларусь, Российская Федерация.

Военно-мемориальная работа в понимании комплексных мероприятий, проводимых органами государственной власти в целях сохранения и достойного увековечения памяти погибших при защите Отечества [1], на протяжении всего времени с момента окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн была в центре внимания государственных органов власти и общественности.

75-летие празднования Победы в Великой Отечественной войне с новой силой обращает наше внимание на историю появления воинских захоронений погибших солдат Красной (Советской) армии и мест массового уничтожения гражданского населения и связанные с ними действия процесса увековечения памяти.

В советский период времени и в последние десятилетия проделана значительная работа по изучению нацистского оккупационного режима и реализации политики геноцида в отношении к мирному гражданскому населению Беларуси и России. Особенно хорошо разработана тема геноцида еврейского населения как в белорусской, так и в российской и зарубежной историографии. В связи с этим обратим внимание на последние исследования.

Относительно предмета исследования, в первую очередь, следует отметить совместные работы белорусско-российской группы историков и архивистов по выявлению и изучению документов архивов Беларуси и России, раскрывающих политику геноцида периода нацистской оккупации в отношении к мирному населению БССР и РСФСР, итогом которой стали сборники документов и материалов «Сожженные деревни Белоруссии, 1941 – 1944» [2] и «Сожженные деревни России. 1941 – 1944» [3]. Кроме того, в 2019 г. к 75-летию освобождения

Беларуси от нацистских захватчиков вышло энциклопедическое издание «Нельзя забыть. Нельзя понять. Нельзя оправдать», посвященное трагедии белорусских деревень, сожженных нацистами вместе с жителями в годы Великой Отечественной войны [4].

Помимо выше указанных изданий по данной теме следует отметить исследования белорусских ученых последних лет – А. Ковалени [5], А. Литвина [6], А. Шаркова [7], С. Новикова [8], Т. Савчук [9], раскрывающие отдельные аспекты нацистского оккупационного режима и политики памяти о жертвах Великой Отечественной войны.

Работы российских исследователей представлены публикациями В. Рубина [10], в том числе и соавторстве [11], С. Кулика [12], Т. Бабанина [13] и др.

Несмотря на представленную историографию ученых Беларуси и России по изучению захоронений Великой Отечественной войны, все же остаются вопросы терминологии и идентификации захоронений, которые не были ранее представлены в научном дискурсе.

Методология исследования. Теоретико-методологической основой исследования является группа методов как общенаучной направленности, в частности, методы описательной статистики и классификации, так и специально-исторические – историко-сравнительный и историко-типологический.

Основная часть. Прежде чем перейти непосредственно к предмету исследования, необходимо обратиться к понятийному аппарату, используемого для его обозначения и в первую очередь в нормативно-правовой базе Беларуси и России.

В белорусском законодательстве термины для обозначения мест массового уничтожения периода Великой Отечественной войны употребляются в документах нескольких уровней: от указов Президента Республики Беларусь до постановлений Совета Министров Республики Беларусь и Министерства обороны Республики Беларусь.

Рассмотрим в хронологическом порядке использования терминов и их определения в значениях, установленных в актах законодательства Беларуси. Так, согласно документу 2003 г. Министерства обороны Республики Беларусь место массового уничтожения определено как место, где «захоронены военнослужащие и другие жертвы войн, захоронения которых проводились многократно без соблюдения каких-либо правил в местах принудительного содержания» [14]. Указ Президента Республики Беларусь № 109, подписанный 24 марта 2016 г. выше приведенный термин не содержит, но вводит понятие «захоронения жертв войн» [15]. Далее, на протяжении 2018 – 2019 гг. в принимаемых нормативно-правовых актах Советом Министров Республики Беларусь термин «захоронение жертв войн» был уточнен и заменен на термин «место массового захоронения гражданского населения» [16; 17].

Обратимся к российскому законодательству. В данном случае мы имеем Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 в редакции от 19 июля 2018 г. «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [18], в котором идет речь только о воинских захоронениях, имеющих отношение к погибшим при защите Отечества в том числе и во время Великой Отечественной войны. Термин «место массового захоронения жертв гражданского населения» данного периода в законодательстве федерального уровня не выявлен. 9 августа 2019 г. издано Постановление Правительства Российской Федерации № 1036 Об

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

утверждении федеральной целевой программы «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019 – 2024 годы» [19], в котором речь идет о воинских захоронениях солдат, погибших при защите Отечества периода 1941 – 1945 гг., и воинов-интернационалистов.

Но это не значит, что работа по увековечению памяти жертв нацистского оккупационного режима на территории Российской Федерации не ведется. Согласно Федеральному закону от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» (с изменениями на 2 декабря 2019 г.) в статье 5 «Памятники Великой Отечественной войны» к таковым относятся скульптурные, архитектурные и другие мемориальные сооружения, и объекты, увековечивающие память о событиях, об участниках, о ветеранах и жертвах Великой Отечественной войны [20]. Безусловно, ярким примером является Пискаревское мемориальное кладбище на месте массовых захоронений жителей блокадного Ленинграда.

Следует отметить некоторые существенные отличия в законодательстве союзных государств. Так, в Республике Беларусь в отличие от российской практики места захоронений гражданского населения, и в первую очередь, жертв сожженных деревень подлежат учету и паспортизации.

Нельзя обойти вниманием значимое событие, произошедшее 11 мая 2018 г. в Псковской области, во время которого представители делегаций Ленинградской области, Санкт-Петербурга, Псковской области Российской Федерации и Логойского района Минской области Республики Беларусь подписали соглашение о сотрудничестве по увековечиванию и сохранению памяти о сожженных деревнях и заживо сожженных в них людях немецкими оккупантами на территории России и Беларуси [21]. В рамках проводимого круглого стола было высказано немало идей по увековечению памяти жителей сожженных деревень России, в частности – утвердить общероссийский День памяти сожженных немецко-фашистскими оккупантами деревень, а также создания музея [21].

Вопрос о создании места памяти о местах массового уничтожения мирного населения в российском обществе поднимался неоднократно. Свидетельством тому служат публикации газеты «Правда» за 2014 – 2015 гг., изданные в сборнике «Сожженные заживо взывают к нам» [22]. Основной посыл звучит так: «Создание сегодня в Российской Федерации мемориального памятника жертвам фашистского террора в годы Великой Отечественной войны – важная общегосударственная задача» [22].

Таким образом, места захоронения гражданского населения, погибшего в ходе реализуемой политики геноцида в целом и карательных операций в частности, в Беларуси подлежат учету и паспортизации. В российской практике мемориализация данных мест осуществляется в соответствии с федеральным законодательством, регламентирующим процесс увековечия памяти жертв Великой Отечественной войны.

На ряду с наличием памятников на местах сожженных деревень и процессом учета и паспортизации Беларусь имеет общенациональное место памяти сожженным деревням – мемориальный комплекс «Хатынь». Для российского общества, исходя из постановки вопроса, эта тема остается открытой для обсуждения.

Проблемы идентификации мест сожженных деревень, увековеченных в них имен. Вопросы идентификации мест массового уничтожения и мест

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

массового захоронения в отличие от воинских захоронений довольно сложные и требуют особого внимания.

На территории Беларуси учет сожженных деревень был начат с 1960-х гг., когда возникла идея создания мемориала сожженным деревням. Но фактически внимание обращалось еще в 1948 г. на одном из совещаний, где был озвучен тезис о благоустройстве «могил массового захоронения населения – жертв немецкой оккупации» был озвучен [23]. Но дальнейшего своего развития в виде постановки на учет и паспортизации он не получил.

Диаграмма 1. Кол-во населенных пунктов Беларуси, сожженных полностью или частично с жителями в период 1941 -1944 гг.

По состоянию на 10 марта 2020 г. по официальным данным Управления по увековечению Министерства обороны Республики Беларусь документально зафиксировано 6 829 захоронений периода Второй мировой войны, из них захоронения жертв войны – 1 382 [24], что на 2 % больше, чем на момент сентября 2019 г. (1 362 захоронения) [24]. В данных захоронениях увековечены имена 2 069 465 человек, из них жертвы войны составляют 1 030 196 человек [24]. Относится к этим данным нужно критически с той точки зрения, что период Второй мировой войны шире, чем Великой Отечественной войны, но в любом случае погрешность не будет настолько значительной, чтобы в целом изменить масштаб жертв нацизма.

По официальным данным Национального архива Республики Беларусь по состоянию на 10 марта 2020 г. по документам различного происхождения выявлено 9 097 (9 188) сожженных деревень в годы Великой Отечественной войны [25], из них по областям: Брестская – 786, Витебская – 3 518, Гомельская – 1 452, Гродненская – 311, Минская – 1 528, Могилевская – 1 593 деревень*. Эти показатели имеют отношение к общему количеству разрушенных (сожженных) населенных пунктов в период нацистской оккупации.

* Выборка произведена автором

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Для общего понимания о количестве населенных пунктов, сожженных полностью или частично с жителями в 1941 – 1944 гг., представим численные показатели в виде диаграммы [составлена автором на основе: 24; 25; 26].

Для сравнения были взяты сведения издания 1995 г. «Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941 – 1944)», основанного на анализе документов и материалов Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях, причиненных нацистами в Беларуси, а также материалов, предоставленных местными органами власти и управления БССР, республиканскими и районными ветеранскими комиссиями, а также статистические показатели электронной базы данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» по состоянию на 10 марта 2020 г. Главным в данном случае является не столько соотношение и разница в показателях между 1995 г. и 2020 г., сколько факт количества поставленных на учет и паспортизированных мест уничтожения жертв нацизма из числа местного населения, расстрелянного и сожженного в ходе карательных операций оккупационных властей в период 1941 – 1944 гг. Данные электронной «Книги памяти» по состоянию на 10 марта 2020 г. показывают, что из 6196 сожженных деревень только 1382 имеют статус захоронения, что составляет 22 % от общего количества. Это можно объяснить, в частности, тем, что многие из них увековечены в мемориальном комплексе «Хатынь», соответственно является нецелесообразным установка памятника и т.д. на месте уничтоженной вместе с людьми деревни.

Вопрос ещё заключается и в том, можно ли отождествлять место массового уничтожения и место массового захоронения гражданского населения, уничтоженного в годы нацистской оккупации 1941 – 1944 гг.? На наш взгляд, как правило, послевоенный процесс укрупнения захоронений периода Великой Отечественной войны касался только первичных мест захоронения воинов Красной армии и партизан, в случае гибели последних в ходе освобождения территории Беларуси (осень 1943 г. – лето 1944 г.). Так как захоронения участников сопротивления, погибших в период карательных операций или в ходе рейдов, осуществлялись в основном на действующих гражданских кладбищах, то и их процесс перезахоронения не касался, о чем свидетельствует соотношение первичного места захоронения и ныне существующих в данных местах могил.

Исходя из выше сказанного, процесс перезахоронения конца 1940-х гг. и середины 1950-х гг. не затронул мест уничтожения гражданского населения, это же касается и мест уничтожения военнопленных и узников гражданских лагерей.

Есть и еще одна проблема. В паспортах мест массового уничтожения мирного населения в столбце «известные» практически всегда стоит прочерк. Но если обратиться к книгам «Память» по городам и районам Беларуси, то в разделе «Мирные жители, погибшие в годы Великой Отечественной войны» или «Жертвы войны» имеем конкретные фамилии и даты их гибели. Назревает закономерный вопрос: почему создаваемые решением местных органов власти рабочие группы по увековечению памяти погибших не принимают во внимание данные сведения и не выводят из категории «неизвестные» в категорию «известные» жертв Великой Отечественной войны.

Проблема состоит и в том, что верифицировать данные книг «Память» по документам не всегда представляется возможным.

Тем не менее, в белорусской исторической науке на протяжении нескольких десятков лет проблема уничтожения мирного населения и сожженных

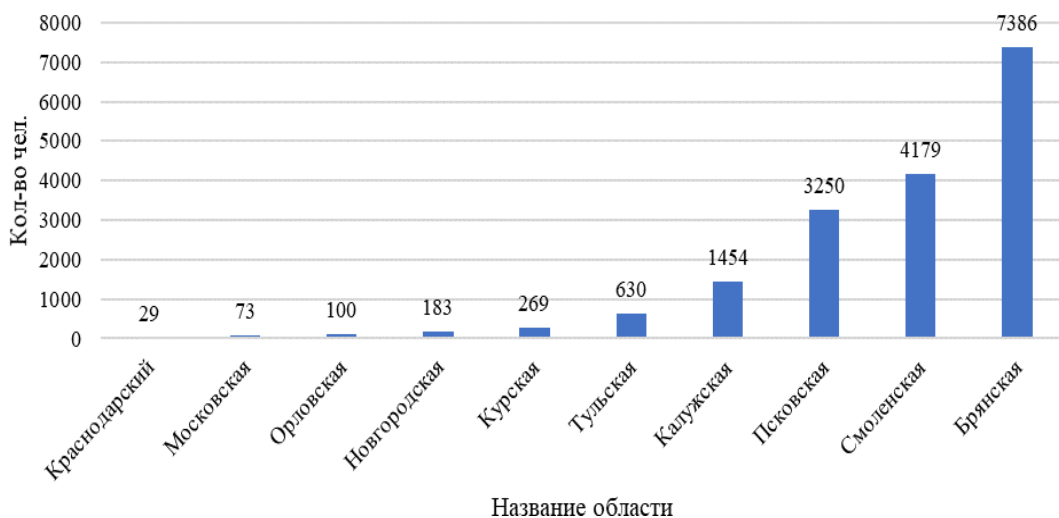
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

деревень в годы Великой Отечественной войны находится в фокусе исследований. За этот период времени накоплена значительная база данных архивных документов, к которым обращаются историки. Исследования ученых вышли на новый уровень критического осмысления документальной базы, её детальной проработки.

Обратимся к российской практике. Согласно данным, приведенным в Федеральной целевой программе на 2019 – 2024 гг., упоминаемой ранее, на территории Российской Федерации по состоянию на 1 января 2019 г. находятся 31 078 российских (советских) воинских захоронений погибших при защите Отечества [19], но это число не входят могилы жертв нацистского оккупационного режима из числа мирного гражданского населения, уничтоженного в ходе карательных операций периода Великой Отечественной войны.

В ходе панельной дискуссии «Нацистская истребительная политика: память через десятилетия», проведенной в Государственном академическом университете гуманитарных наук 22 января 2020 г. и посвященной Международному дню памяти жертв холокоста (27 января), ректором данного учебного заведения Д. Фоминым-Ниловым была дана примерная цифра в 10 000 сожженных деревень России [27]. К примеру, в Псковском районе из 406 деревень полностью сожжены дотла 325 деревень (что составляет 80 %) [3, с. 270 - 271]. Но в данном случае идет речь об уничтожении населенных пунктов, и, вероятно, имелось в виду сожженные деревни вместе с жителями и без них.

Диаграмма 2. Количество уничтоженного мирного населения РСФСР в период 1941 - 1943 гг. по данным Национального архива Республики Беларусь

[составлена автором на основе: 3, с. 13 – 367]

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

Касаемо вопроса о численности жертв сожженных деревень на территории России, то в распоряжении исследователя имеются архивные данные, опубликованные в сборнике «Сожженные деревни России. 1941 – 1944» [3], хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь. Проанализировано 307 документов – акты областных и районных комиссий Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, справки, сведения, протоколы допросов жертв и свидетелей и другие, из которых проделана выборка о количестве уничтоженного (расстрелянные, повешенные, сожженные) местного населения из десяти представленных документально областей РСФСР (Диаграмма 2).

Данные диаграммы представляют собой предварительные результаты, которые не лишены недостатков и имеют определённую погрешность, т.к. в документах порой не конкретизируются данные – указано «было расстреляно и сожжено много жителей деревни», но сколько именно не понятно. Естественно в данном случае, количество жертв не учитывалось в общей цифре. Многие данные даются приблизительно. Но, т.к. мы не имеем других документов, уточняющих или опровергающих данные цифры, то работаем с ними.

Исходя из данных диаграммы очевидно, что наибольшее количество уничтоженного населения деревень и сел РСФСР в ходе карательных операций, грабительских рейдов местной полиции из числа коллаборантов и при отступлении военных частей вермахта приходится на территории Псковской (3 250 чел., 18,51 %), Смоленской (4 179 чел., 23,80 %) и Брянской (7 386 чел., 42,07 %) областей от общей численности в 17 553 чел. по десяти областям РСФСР, где наибольший размах получило партизанское движение. Снова обращаем внимание, что это данные только тех документов, которые хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь.

Если обратить внимание на соотношение угнанного населения на принудительные работы на территорию Третьего рейха и сожженного, повешенного и расстрелянного на месте, то оно имеет свои отличия. К примеру, по данным Псковского райисполкома о численности уничтоженного населения в период нацистской оккупации района от общего их количества: угнано – 18 600 чел. (98,45 %), расстреляно – 220 чел. (1,17 %), сожжено и повешено – 73 чел. (0,40 %) [3, с. 270 – 271]. Исходя из этого, менее 1 % жителей населенных пунктов Псковского района непосредственно было сожжено и повешено. Другую картину можем наблюдать в Демидовском районе Смоленской области: «расстреляно 1 041 гражданин, замучено – 10 человек, отравлено 2 человека, повешено 28 человек, угнано в немецкое рабство – 251 человек и сожжено живыми – 784 человека» [3, с. 287 – 288], что в процентном соотношении от общего числа погибших и угнанных в рабство 37,5 % приходится на заживо сожженных жителей разного возраста, в основном стариков, женщин и детей.

К сожалению, на данный момент не имеем возможности показать данные в соотношении с довоенным населением приведенных выше примеров, чтобы иметь целостную картину трагедии сожженных деревень России.

Места захоронения жертв нацизма сожженных деревень не всегда соотносятся с местами установки памятников, которые, как правило, располагали на месте бывшей деревни (в случае ее не восстановления) или месте сожжения постройки вместе с людьми (в случае возрождения). В большинстве случаев

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

захоранивали погибших свои же односельчане, оставшиеся по воле случая в живых: «Все эти трупы я (Н.Ф. Немцев – авт.) с жителями дер. Фошня, которые вернулись из леса, похоронили на кладбище» [3, с. 36]. Зафиксированы и факты, когда нацисты не разрешали забирать тела для погребения с «воспитательной» целью: «Изуродованные трупы несколько дней лежали не зарытыми и были оставлены на съедение собакам» [3, с. 129]. В таких случаях, говорить о местах захоронения жертв не приходится, но символическое увековечение имен необходимо.

Выводы. Таким образом, в отношении к местам сожженных деревень и их жертвам в белорусской и российской практиках имеются некоторые отличия: от терминологии до нормативно-правовой базы, в постановке на учет в качестве захоронения жертв периода Великой Отечественной войны и его последующая паспортизация, а также в процессе увековечения памяти сожженных деревень в широком понимании данного термина.

Список литературы

1. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://multilang.pravo.by>. Дата доступа: 05.03.2020.
2. Сожженные деревни Белоруссии, 1941 – 1944: Документы и материалы / сост. Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменова и др. М.: Фонд «Историческая память», 2017. 512 с.
3. Сожженные деревни России, 1941 – 1944: Документы и материалы / сост. Н.В. Кириллова, В.Д. Селеменова и др. М.: Фонд «Историческая память», 2017. 608 с.
4. Нельзя забыть. Нельзя понять. Нельзя оправдать. Иллюстрированная энциклопедия сожженных деревень Беларуси в годы Великой Отечественной войны = Impossible to forget. Impossible to understand. Impossible to justify. Illustrated Encyclopedia of the burned villages of Belarus during the Great Patriotic War. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2019. 304 с.
5. Коваленя А. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя, В. Арчаков, В. Данилович, А. Баньковский // Беларуская думка. № 8. 2019. С. 3 – 11.
6. Литвин А.М. «Кто может, передайте родным...»: Тайны тюремных камер оккупированного Гомеля (1941 – 1943). Минск: Беларуская навука, 2019. 223 с.
7. Шарков А.В. НКВД Беларуси на защите отечества в годы суровых испытаний (1941-1945). Минск: Тесей, 2012. – 260 с.
8. Новікаў С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў. Мінск, 2014.
9. Савчук Т.П. Увековечение событий Великой Отечественной войны в Беларуси: монография [науч. ред. В.В. Зданович]; УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина». Брест : БрГУ, 2013. 168 с.
10. Рубин В.А. Правовые аспекты сохранения воинских захоронений, монументов и иных мемориальных сооружений, посвященных погибшим при защите Отечества // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2012. – № 3(35). – С. 270 – 273.
11. Рубин В.А., Спиридонова Е.В. Военно-мемориальное наследие в условиях государственной культурной политики советской эпохи // Человек и культура. – 2019. – № 5. – С. 54 – 64.

СССР ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1939-1945 гг.)

12. Кулик С.В. Мемориализация памяти жертв Великой Отечественной войны на северо-западе России // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – № 1 (191). – С. 200 – 206.
13. Бабанин Т.В. Укрупнение воинских захоронений в 1940 – 1960-е гг. и проблемы увековечения памяти погибших защитников Отечества (на примере братского кладбища в деревне Сергейцево Пустошкинского района Псковской области) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение»– № 17 (139) – 2014. – С. 185 – 199.
14. Постановление Министерства обороны Республики Беларусь 22 октября 2003 г. № 60 Об утверждении Инструкции о порядке государственного учета воинских захоронений в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.pravo.by/pdf/2004-21/2004-21\(054-067\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2004-21/2004-21(054-067).pdf) . Дата доступа: 12.07.2019.
15. Указ Президент Республики Беларусь № 109 от 24.03.2016 «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-Президент%20РБ/type . Дата доступа: 16.09.2019
16. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 675 от 17.09.2018 г. «Об утверждении Правил благоустройства мемориалов, памятников воинской славы, воинских захоронений и захоронений жертв войн» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-СМ%20РБ/type . Дата доступа: 13.08.2019.
17. Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 69 от 30.01.2019 г. «О внесении изменений и дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 сентября 2018 г. № 675» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kodeksy-by.com/norm_akt/source-СМ%20РБ/type. Дата доступа: 13.08.2019.
18. Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 в редакции от 19 июля 2018 г. «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> . Дата доступа: 05.03.2020.
19. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2019 г. № 1036 Об утверждении федеральной целевой программы «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019 – 2024 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102580534>. Дата доступа: 05.03.2020.
20. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. N 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» (с изменениями на 2 декабря 2019 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/1518946/>. Дата доступа: 05.03.2020.
21. Сохранить память о сожженных деревнях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rvio.histrf.ru/soobshestvo/post-9028>. Дата доступа: 11.03.2020.
22. Сожженные заживо взывают к нам. По публикациям в газете «Правда»: изд. 2-е, испр. и доп. / сост. В.С. Кожемяко, В.Т. Фомичев. М: ИПО «У Никитинских ворот», 2016. 156 с.
23. Из стенограммы заседания Бюро Совета Министров БССР от 16 апреля 1948 г. // Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси,

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

1941 – 2008 гг. Документы и материалы / ред. кол. В.И. Адамушко и др. Минск: НАРБ, 2008. С. 54 – 56.

24. Автоматизированный банк данных «Книга памяти» Республики Беларусь. Статистическая информация по состоянию на 10 марта 2020 г. // Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Министерства обороны Республики Беларусь.

25. Электронная база данных «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://db.narb.by>. Дата доступа: 10.03.2020.

26. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941 – 1944). Мн.: БелНДЦДААС, 1995. 416 с.

27. Дискуссия «Нацистская истребительная политика: память через десятилетия». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zoz-FngSoNs>. Дата доступа: 13.03.2020.

Korsak A.I.

PLACES OF BURNED VILLAGES (1941-1944) IN BELARUSIAN AND RUSSIAN PRACTICES

KORSAK Alesya I. – PhD (History), Assistant Professor. Polotsk State University. 220440, Belarus, Novopolotsk, Blokhina str., 29.
e-mail: ale-korsak@yandex.ru

Abstract. This article identifies the main problems that need to be investigated. On the basis of the published archival sources of the National Archive of the Republic of Belarus the problem of the burned villages of Belarus and Russia during the Nazi occupation in 1941 - 1944 and the policy of memorialization connected with them - preservation of the memory of the places of the burned villages and immortalized names of the civilians killed in them - in the Belarusian and Russian practices are considered. Substantial differences in the legal and regulatory framework of the two states at the present stage in the field of memorial policy as a whole and in relation to the places of burnt settlements during the Great Patriotic War are shown. For the first time, the preliminary results of the analysis of the archival material of the National Archive of the Republic of Belarus in ten regions of the RSFSR and the territory of the BSSR are given, which show the ratio between the number of the hijacked population for forced labor on the territory of the Third Reich and the civilian population destroyed during the punitive operations of Nazi collaborators, as well as during the retreat of the Wehrmacht in 1943 from the territory of the RSFSR.

Keywords: place of burnt village, place of mass destruction, Great Patriotic War, memorialization, identification, BSSR, RSFSR, Republic of Belarus, Russian Federation.